

Андрей Курейчик
ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЬЕСА
Действующие лица:

КЛЕНИН АНДРЕЙ, драматург.

БОРИН ВИТАЛИЙ АДЛЬФОВИЧ, художественный руководитель Чеховского драматического театра.

КОРЧ ЯРОСЛАВ ДАВЫДОВИЧ, директор.

ЕЛЕНСКАЯ ИРИНА ГРИГОРЬЕВНА, заведующая литературной частью.

БОНДУРЕВИЧ СЮЗАННА ИГОРЕВНА, ведущая актриса.

ГУБЕРМАН БОРИС ФОКИЕВИЧ, главный художник.

МАЕВСКИЙ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, ведущий актёр.

ШУВАЛОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА, актриса.

ЗОЛОТКОВСКАЯ ЯНА, молодая, подающая надежды актриса.

КОСТРЫГИН СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ, режиссёр.

ДЫБАНЬ АРТУР, молодой режиссёр.

МИЛОВАННИКОВ ИГНАТИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ, актёр-дебошир.

АЛЕКСЕЕВ КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ

КОЛЬКА, монтировщик.

Действие происходит в Чеховском драматическом театре города М.

АКТ I.

1.

ХУДСОВЕТ.

Пустая зала худсовета в театре. Появляется драматург КЛЕНИН.

КЛЕНИН. Меня ещё здесь нет. Здесь, в смысле... В театре. Я ещё сижу дома за своим письменным столом из соснового шпона, у окна с высохшими цветами в чумазных глиняных горшках... Я их всё время забываю полить. И листья совсем чахлые. Я ещё сижу и пишу пьесу... Ту самую злосчастную пьесу, с которой всё это началось...

Появляется завлит ЕЛЕНСКАЯ и готовит всё для худсовета. Начинают появляться члены худсовета.

Вбегаёт актёр МАЕВСКИЙ.

МАЕВСКИЙ. У меня минут пять есть? Я быстро... *(Вьбегаёт)*.

ЕЛЕНСКАЯ. *(Ему вдогонку)*. Николай Алексеевич, пять минут!

КЛЕНИН. Это Еланская. Ирина... Чёрт, всегда вылетает из головы. Ирина Григорьевна. Завлит. Жутко гордится своей интеллигентностью, но выпить любит.

Входит директор театра КОРЧ.

КОРЧ. А где все?

ЕЛЕНСКАЯ. Где-то здесь... Сейчас. *(Убегаёт звать)*.

КЛЕНИН. Директор пришёл. Корч. Это я его не обзываю, это у него фамилия такая. Натурально – Корч. Очень хорошая директорская фамилия. О, какой солидный. Ну просто как на Генеральную ассамблею ООН пришёл, с мировым терроризмом сейчас будет бороться.

КОРЧ. Чёрт знает что, директор здесь, а никого нет. *(Звонит мобильный телефон)*. Я не могу говорить, у меня худсовет. *(Отключает. Пауза)*.

КЛЕНИН. Худсовет. Это вам, ребята, не хухры-мухры. А худсовет...

Входит главный художник ГУБЕРМАН и актриса ШУВАЛОВА.

ГУБЕРМАН. ...Но об этом молчок!

ШУВАЛОВА. Главное сдержаться... Ничего, ничего...

ГУБЕРМАН. *(Директору)*. Здравствуйте.

КОРЧ. Опаздываете...

ШУВАЛОВА. Ярослав Давыдович, летели, летели, как синички...

КЛЕНИН. Ведущую актрису в театре отличить очень легко. По носу. У ведущих актрис всегда очень выразительный нос. Не просто нос, а НОС. Как у Гоголя... Чтобы с семнадцатого ряда виден был прекрасно. И глаза мокрые, как луком опрысканные, с проблесками.

Вбегаёт МАЕВСКИЙ.

МАЕВСКИЙ. А что, ещё не началось? Я отойду...

ЕЛЕНСКАЯ. Николай Алексеевич!

КЛЕНИН. Тоже актёр. Говорят, очень набожный. Очень... Сыграет что-нибудь и сразу грех замаливать. Любимчик публики.

ШУВАЛОВА. В прежние времена такого не было... Я же помню, чтобы опоздать на художественный совет! Конфуз!

КЛЕНИН. А в уголке главный художник. Очень влиятельный человек. А фамилия Губерман. Как у этого... ну вы знаете. Поэтому его иногда Гариком называют.

ЕЛЕНСКАЯ. Идут!

КЛЕНИН. Идут...

Входят худрук БОРИН и режиссёр КОСТРЫГИН.

ШУВАЛОВА. *(БОРИНУ)*. Здравствуйте, Виталий Адольфович, боже, вы так хорошо выглядите сегодня...

БОРИН. Рубашка!

ЕЛЕНСКАЯ. *(КОСТРЫГИНУ)*. Куда вы садитесь, это же место Виталия Адольфовича.

БОРИН. На место худрука захотелось? *(Пауза)*. Успеется...

КОСТРЫГИН. Простите... *(Пересаживается)*.

КЛЕНИН. Главный – это Борин Виталий Адольфович. А этот второй – просто режиссёр. Фамилия Кострыгин. Ну вы всё видели, что происходит. Сейчас начнут. А я всё творю, рожаю... Дома.

Все садятся.

БОРИН. М-да... Други мои, в некотором смысле я поздравляю вас с началом нового, так сказать, театрального сезона. Мой учитель, который был, как вы знаете, любимым учеником Константина Сергеевича Алексеева, в миру известного как... Ну в общем, все мы знаем как, говаривал: искусство – это говно! Простите, дамы! Но слово не воробей! Повторяю...

КОРЧ. Хм...

ЕЛЕНСКАЯ. Водичка...

БОРИН. Ага... *(Пьёт)*. Повторяю: искусство – это говно! На девяносто пять процентов просто говно, а на пять – говно божественное!

ШУВАЛОВА. Браво.

КОСТРЫГИН. *(Тихо)*. Боже, сколько можно...

КЛЕНИН. Но какова мысль...

БОРИН. Прошлый сезон был неплох! И театр в барыше, и я Ибсена поставил. Вот, Борис Фокиевич не подвёл: семьдесят тонн – это я понимаю декорация. Есть на что посмотреть...

КОСТРЫГИН. Только зачем актёры при такой декорации...

КОРЧ. Тише, тише...

БОРИН. Народ сейчас соскучился по Ибсену. Я даже не побоюсь сказать – истосковался. Соскучился по какой-то вселенской, inferнальной тоске! Так что поздравляю ещё раз...

КОРЧ. Я продолжу, ладно? У нас сегодня два вопроса: где моя бумажка? Ира!

ЕЛЕНСКАЯ. Вот!

КОРЧ. Во-первых: поведение актёра Милованникова на гастролях в городе Керч.

БОРИН. Да, да...

КОРЧ. Точнее до Керча... Керчи? Керча...

БОРИН. *(Тихо)*. Корча...

КОРЧ. Не важно... Он, как известно, не доехал. А будучи в невменяемо-нетрезвом состоянии сошёл с поезда в городе Москва. В Москве он мастерски смешался с толпой, и на поезд опоздал. Был задержан органами правопорядка в момент, как у меня написано: «грязного танца»... Он...

БОРИН. *(Тихо)*. Корчился...

КОРЧ. У меня всё!

ШУВАЛОВА. Игнатий, деточка. Надо же было так упиться.

КОРЧ. Он не деточка! Он народный артист СССР!

БОРИН. Ну, ладно, ладно... Позови его. *(ЕЛЕНСКАЯ выбегает)*.

КЛЕНИН. В общем, такое в театре бывает. Даже часто бывает. Со всеми... *(Входят ЕЛЕНСКАЯ и МИЛОВАННИКОВ)*.

БОРИН. Ну что, Игнатий... Вот тебя, сидим, разбираем...

МИЛОВАННИКОВ. И как?

КОРЧ. Ну ситуация ясная. Есть что-нибудь сказать?

МИЛОВАННИКОВ. Вообще, есть...

КОРЧ. В смысле, в оправдание?

МИЛОВАННИКОВ. Я бы сказал, но ничего не помню. Может, вы помните, Виталий Адольфович, мы же вроде вместе пили...

БОРИН. Друзья мои, дело ясное: ну отравился человек. Интоксикация этого... всего. Сейчас так подделывают... Вот, я читал в «Комсомолке», что где это... В Корзунах наладили производство коньяков дорогих – «Хеннеси»... И говорят, отличить невозможно. Правда, очень жаловались, что вырубает. Иногда насовсем...

КОРЧ. Предлагаю строгий выговор! Кто «за»? *(Все поднимают руки)*. Так вопрос закрыт.

КЛЕНИН. *(Входит ДЫБАНЬ)*. А вот и молодой режиссёр. Зовут Артур, фамилия Дыбань. Видите, как хитро смотрит? Всех в театре интересовал только один вопрос: еврей он всё-таки или не еврей...

ДЫБАНЬ. Простите.

БОРИН. *(Возмущённо)*. Ну, милый мой...

ШУВАЛОВА. Наверное, проспал Артурчик? Это ничего, бывает. Тяжелый был вечер?

КОРЧ. Второй вопрос. Елена, зачитайте.

МАЕВСКИЙ. Когда это уже закончится?..

ЕЛЕНСКАЯ. Нам предложили, простите, предписали в целях возрождения отечественной культуры... *(Смотрит на бумагу)*. Ну, это вам не интересно... Короче, ставить больше отечественной драматургии. Желательно молодых авторов.

БОРИН. То есть Ибсен их уже не устраивает? Так вот, значит!

ШУВАЛОВА. Да они сошли с ума! Возмутительно!

КОСТРЫГИН. И где их взять, молодых авторов? Драматург – не Буратино, из полена не вырежешь...

БОРИН. Да... Определённо.

ЕЛЕНСКАЯ. Честно говоря, у меня есть на примете один... мальчонка. Позавчера пришёл, принёс пьесы. Тихий такой, вроде как испуганный. В театре почти ничего не видел.

БОРИН. Это хорошо. И Ибсена не видел?

ЕЛЕНСКАЯ. Нет. Он экономист по профессии.

БОРИН. Ну и пригласите его ко мне. Посмотрим... Посмотрим... *(Вдруг входит актриса БОНДУРЕВИЧ).*

БОНДУРЕВИЧ. Я ничего не пропустила? А? *(Гробовое молчание).*

КЛЕНИН. Вот! Вот так оно всё и произошло. Хотя я об этом ничего не знал и, честно говоря, не знаю до сих пор. Но людей, которые говорят, о чём не знают, много. Пруд пруди... Важное другое, с этого момента мой путь в театр был, как бы это сказал какой-нибудь длинноротый классик, предопределён.

2.

БОРИН и КЛЕНИН.

БОРИН. Чай, кофе? *(Вдруг орёт).* Ира! *(Вбегают ЕЛЕНСКАЯ).* Два чая... Без сахара. *(ОНА убегает).* Читал в «Комсомолке» ужасающую статистику.

КЛЕНИН. Простите?

БОРИН. В театре давно был?

КЛЕНИН. Со школой. Нас учительница повела, Александра Ивановна. Она сама часто в театр ходила. Очень странная была...

БОРИН. Ты понимаешь в чём дело, пьесу твою мы прочитали. *(Пауза).* Я, Ира... Ирина Григорьевна... И...

КЛЕНИН. Что?

БОРИН. Ира! *(ЕЛЕНСКАЯ приносит чай).* Может, ты чай с сахаром пьёшь?

КЛЕНИН. Что?

БОРИН. А то я так, без апелляций... Очень настроение можно испортить, -- позаботишься о здоровье, а человек надуется. И уже у него нож за пазухой... Подумает, мол жалею. Сам я перестал... *(Пауза).* Сахар кушать. *(Пауза).* И соль, тоже, очень вредно. А без соли невкусно. Так ирываешься что ни день...

КЛЕНИН. Я понимаю...

БОРИН. Моральный выбор, этический выбор – вот кость, скелет искусства. Сейчас не все, к сожалению, это осознают...

КЛЕНИН. Да...

БОРИН. Ну, приятно было познакомиться. Ты, это, нас не забрасывай. Я не знаю как там у вас, у парламента литературы – друг мой, да, драматургия – это парламент литературы. Как родиться что-нибудь, зови. Труби. Примем роды вместе. Будь здоров.

КЛЕНИН. *(Пауза).* Простите, а как же пьеса?

БОРИН. Я вижу её в приглушённых, пастельных тонах. В беже.

КЛЕНИН. В чём?

БОРИН. Многие ассоциируют коричневый с фашизмом. Но я против политизации искусства.

КЛЕНИН. То есть пьесу будут ставить?

БОРИН. Ты Сюзане Игоревне давал читать?

КЛЕНИН. А кто это?

БОРИН. Это, Ваня, такая... такая... котовасия, что не дай бог. И фамилия у неё – народная артистка Бондуревич! Звучит как «битва при Аустерлице». Не давай ей пьесу, пусть просит, пусть качается в ногах – нет и баста!

КЛЕНИН. Как скажете, только я не Ваня.

БОРИН. Как не Ваня? Ира! *(Вбегают ЕЛЕНСКАЯ).* Как его зовут?

ЕЛЕНСКАЯ. Андрей.

БОРИН. Мне надо на репетицию. Ну мы с тобой договорились. Об остальном – молчок! *(ЕЛЕНСКОЙ).* Дай ему допить чай... *(Уходит).*

3.

ЕЛЕНСКАЯ и КЛЕНИН.

ЕЛЕНСКАЯ. Я вас поздравляю.

КЛЕНИН. Спасибо. С чем?

ЕЛЕНСКАЯ. Ну вы меня удивляете. Такой молодой, и писать пьесы. А девушка у вас есть?

КЛЕНИН. Вы так спрашиваете, будто это несовместимые вещи.

ЕЛЕНСКАЯ. Напрасно иронизируете. Мир такой сложный... А Виталий Адольфович не сказал, кто будет ставить вашу пьесу?

КЛЕНИН. Я думал, он.

ЕЛЕНСКАЯ. *(Сочувственно).* Ясно...

КЛЕНИН. А что, нет?

ЕЛЕНСКАЯ. Ясно... Всё ясно. *(Пауза).* Мы вам позвоним, когда всё устаканится. Может, и обойдётся... Я сомневаюсь, но будем надеяться... Только Сюзане Игоревне Бондуревич, пьесу не давайте... Не давайте! *(Трагично уходит).*

КЛЕНИН. Вам когда-нибудь сообщали одновременно, что вы выиграли в лотерею миллион, но при этом у вас подозрение на рак? Вот примерно такие чувства у меня были тогда: счастье, -- мою пьесу взяли в театр, в Чеховский драматический театр, и при этом такое ощущение, что я вляпался во что-то очень, очень... Очень.

4.

3

ДЫБАНЬ и ЗОЛОТКОВСКАЯ. КЛЕНИН наблюдает.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Артур...

ДЫБАНЬ. Мы знакомы?

ЗОЛОТКОВСКАЯ. У меня сегодня нет спектакля. Может, сходим куда-нибудь?

ДЫБАНЬ. Девушка, чего вы пристаёте, -- это возмутительно.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Ну... Поговори со мной.

ДЫБАНЬ. Нам не о чем разговаривать! Я вас знать не знаю.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Поцелуй меня.

ДЫБАНЬ. Любопытно.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Ну пожалуйста. *(ДЫБАНЬ целует)*.

КЛЕНИН. Впервые в жизни я видел актрису не на сцене. В смысле, в любовной сцене, но не на сцене. Совсем близко, так близко, что я ощущал лёгкий, лёгкий аромат её дынно-арбузных духов. И тогда я понял, что если театр – это она, то я влюблён в театр.

ДЫБАНЬ. Слушай, если ты будешь так капризничать, я тебя брошу. *(Она обнимает его)*. Какая ты дурная. У тебя деньги есть?

ЗОЛОТКОВСКАЯ. У меня немного. Мама драники сделала. Привезти?

ДЫБАНЬ. *(Считает её деньги)*. Половину, до аванса. Как раздать все долги? Блядь, работаешь в главном театре, а хуже нищенки. Побируха какая-то, а не режиссёр... Привези, только когда уже ты сама драники освоишь? А то всё мама, мама... *(Видит КЛЕНИНА, резко отстраняется от актрисы)*.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Я умею...

ДЫБАНЬ. *(Дразнит)*. «Я умею». Гордо надо говорить: я умею. Повтори.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Я умею.

ДЫБАНЬ. Нет. С паузой. Донеси мысль, ты же актриса.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Я умею готовить драники.

ДЫБАНЬ. Боже, чем у тебя голова забита?! Пока... *(Уходит. Входит МАЕВСКИЙ)*. Здравствуйте, Николай Алексеевич.

МАЕВСКИЙ. Добрый день. *(Видит, ЗОЛОТКОВСКУЮ)*. Яночка! Яночка, вы играли вчера очень интересно... Этакая, косуля. Поздравляю вас, с днём Пресвятой богородицы. Держите... *(Даёт ей подарочек)*.

КЛЕНИН. *(Себе)*. Яна...

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Спасибо, конечно. Так мило... Только мне идти нужно... Спасибо, ещё раз. *(Уходит)*.

5.

КЛЕНИН. Но это ещё было не самое странное...

КЛЕНИН, МАЕВСКИЙ, ШУВАЛОВА, МИЛОВАННИКОВ и ГУБЕРМАН.

МАЕВСКИЙ. Садитесь, автор.

ШУВАЛОВА. Автор... Боже, какой малютка.

МИЛОВАННИКОВ. Экономист?

ШУВАЛОВА. Экономист... Лицо совершенно экономическое. Чай?

КЛЕНИН. Я уже попил. Там...

ШУВАЛОВА. *(ВСЕ напряжённо переглядываются)*. Я так и знала. Началось!

МИЛОВАННИКОВ. Ты паникуешь. Может быть...

ШУВАЛОВА. Перестань. Посмотри на него – это же совсем дитя. Он и не понимает, в какие грязные игры его втягивают. Чай... Без сахара?

КЛЕНИН. Да.

ШУВАЛОВА. Вот видите! Видите! Игнатий, это конец! Я не могу... Не могу... *(Едва сдерживает слёзы)*. Это ужасно...

ГУБЕРМАН. Галя, успокойся.

ШУВАЛОВА. Не могу...

ГУБЕРМАН. Ну, что ж ты сделаешь...

ШУВАЛОВА. Не могу! *(Бросается в слёзы)*.

МАЕВСКИЙ. *(Автору)*. Мы так рады, что вы к нам пришли. Праздник, настоящий праздник. Вы, простите, человек верующий?

КЛЕНИН. Относительно...

МАЕВСКИЙ. А... *(Мягенько)*. В аду гореть будете.

ГУБЕРМАН. А пьеса у вас с собой?

КЛЕНИН. Нет, я тогда принёс и оставил...

ШУВАЛОВА. Пьеса! Пьеса! Пьеса! Как вас зовут? Андрей? Видите, мы про вас кое-что узнали, провели, так сказать, расследование, что ли... Андрей, Андрюша, хотите, мы будем называть вас Андрон?

КЛЕНИН. Не обязательно...

ШУВАЛОВА. Вы за пьесу не беспокойтесь. Худсовет она пройдёт. В этом положитесь на нас. Вот, и Борис Фокиевич не против. Борис Фокиевич замечательный художник. Потрясающий... Конструктивист.

МИЛОВАННИКОВ. Да уж...

ШУВАЛОВА. Да! Между прочим! Да!

ГУБЕРМАН. Ну ладно...

ШУВАЛОВА. И ничего не ладно! «Ладно»...

МАЕВСКИЙ. Мы забыли про автора. Сидит, поникший... Напуганный... Ну просто ангелочек, да? Или мученик невинно убиенный, совсем как на иконке, не правда ли?

МИЛОВАННИКОВ. Да уж...

ШУВАЛОВА. Что ты «раздакался»! «Да, да»... Караганда! Там чай без сахара, а ты здесь «дакаешь»!

ГУБЕРМАН. Галя...

ШУВАЛОВА. Ну никакого такта!

МАЕВСКИЙ. Будь добрее, вот и автор просит.

КЛЕНИН. Я?!

ШУВАЛОВА. Простите... Я сейчас вся на нервах. Вся какая-то наэлитризованная... Ну, Андрюша, вы же понимаете почему?

КЛЕНИН. Чай, я помню...

ШУВАЛОВА. А вы держитесь, держитесь, мы будем рядом. И я, и Игнатий Вячеславович, и Борис Фокиевич, замечательный художник, конструктивист, и Алексей Николаевич. Мы все будем рядом.

ГУБЕРМАН. Про Бондуревич скажи.

МАЕВСКИЙ. О... Мне надо выйти... Что-то в глазах потемнело. Простите, великодушно. *(Исчезает)*.

ГУБЕРМАН. Трус...

ШУВАЛОВА. Язык не поворачивается как-то... Нет... Не могу!

МИЛОВАННИКОВ. Ты пьесу Бондуревич давал читать?

КЛЕНИН. Нет. Меня и Виталий Адольфович предупредил.

ГУБЕРМАН. Правильно, правильно...

МИЛОВАННИКОВ. Не надо, не давай ей пьесу. Лучше вообще на глаза ей не попадайся. Увидишь её – беги. Она теперь не так быстра, как раньше... В театр походи, на спектакли. Оглядишься, познакомишься. А потом поговорим... Понял?

КЛЕНИН. Понял. *(Все уходят)*.

6.

КЛЕНИН. На самом деле я не понял ничего. То есть, не то, что ничего. А вообще ничего, абсолютно, бескомпромиссно! Это был день, когда моя жизнь, как говорится, сделала крутой вираж. Вот утром я ещё студент, экономист, и друзья у меня только экономисты! Ну не только, но в основном... И вот, я уже в театре. Уже автор. Драматург. Дра-ма-тург! Дра... ма... тург...

Появляется ЗОЛОТКОВСКАЯ.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Простите...

КЛЕНИН. Нет, нет, ничего. Я просто... Я, наверное, забылся совсем, да? Бормочу что-то, как псих...

(Пауза). Андрей меня зовут. Я пьесу принёс, вот, сказали, поставят.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Поздравляю. Андрей, а какие у вас там роли есть?

КЛЕНИН. Есть разные.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. А на меня есть?

КЛЕНИН. Вот так сразу. Хм...

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Я парадоксальная... Так есть?

КЛЕНИН. Честно говоря, вот такое ощущение... Только вы не подумайте, что это я сейчас для чего-то придумываю. Для чего-то такого...

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Покраснели...

КЛЕНИН. Серьёзно? Волнуюсь... Так вот, у меня сейчас такое ощущение, что я для вас эту пьесу писал.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Дайте почитать.

КЛЕНИН. Вообще-то у меня нет... То есть, один экземпляр остался, самый последний, но я думал... А впрочем, ладно. Я вам его дам, а себе ещё сделаю. *(Дает пьесу)*. Вот... Она такая несовершенная, но всем нравится.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Такая несовершенная, а нравится. Это вы как будто про меня говорите. Почитаю я вашу пьесу. *(Отступает в тень)*. Почитаю я вашу пьесу... *(Её голос меняется, ОНА заходит в тень и превращается в БОНДУРЕВИЧ. Дальше голосом БОНДУРЕВИЧ)*. Они ещё захлебнутся своим гноем! *(Исчезает. Появляется МИЛОВАННИКОВ)*.

МИЛОВАННИКОВ. Стой! Что ты наделал...

КЛЕНИН. Что?

МИЛОВАННИКОВ. Опоздал... Ай-яй-яй... Опоздал. Недосмотрел.

КЛЕНИН. Простите, я ничего не понимаю. Я что-то сделал не так?

МИЛОВАННИКОВ. Андрюша, ты сейчас с кем разговаривал?

КЛЕНИН. Я... Её зовут Яна. По-моему, она актриса. *(Пауза)*.

МИЛОВАННИКОВ. А это тогда кто? *(Входит ЗОЛОТКОВСКАЯ, в другой одежде)*. Яночка, можно тебя на минутку.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Здравствуйте, Игнатий Вячеславович.

МИЛОВАННИКОВ. Яна, позволь тебя познакомить с нашим новым, молодым автором Андреем Клециным.

КЛЕНИН. Мы знакомы.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Простите, вы меня с кем-то перепутали.

КЛЕНИН. Как? Мы же...

МИЛОВАННИКОВ. Ты откуда идёшь?

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Из пошивочного, там примерка для «Трёх сестёр»...

МИЛОВАННИКОВ. А...

ЗОЛОТКОВСКАЯ. (КЛЕНИНУ). Меня зовут Яна, Яна Золотковская, очень приятно.

КЛЕНИН. Мне тоже. Очень...

МИЛОВАННИКОВ. Ну беги, беги, вижу, что торопишься. (ЗОЛОТКОВСКАЯ уходит).

КЛЕНИН. Как же так?

МИЛОВАННИКОВ. Да уж вот так...

КЛЕНИН. Я же...

МИЛОВАННИКОВ. То-то и оно. Теперь у Бондуревич есть пьеса. Это плохо. Надо предупредить Виталия... Галя с ума сойдёт. (КЛЕНИНУ). Обо всём об этом – никому... Театр, друг мой, явление мистическое. Здесь бывает...

КЛЕНИН. Что бывает?

МИЛОВАННИКОВ. Многое. Станиславский думал, что он придумал систему актёрского мастерства. Нет, он придумал религию. Он нашёл врата... Он создал Библию, мистическое учение, разбудившее древние, потусторонние силы. Силы, природу которых не дано понять простым смертным. Многие здесь – служители этих сил.

КЛЕНИН. Не понимаю.

МИЛОВАННИКОВ. У каждого явления есть две стороны: светлая и тёмная. Свет и тьма. И ты можешь выбирать, кому служить. Если ты хочешь быть в театре, то выбрать придётся обязательно. Тише... Всё. На сегодня наломал дров достаточно, иди домой! И обо всём молчок! (Уходит).

7.

КЛЕНИН. С той ночи мне стали сниться кошмары. Когда шторы, подсвеченные ночными фонарями, гасли и по стенам начинали бегать огромные тараканы бликов автомобильных фар, я закрывал глаза и видел один и тот же сон. Театр превращался в какой-то храм... Храм... Зал становился святилищем, сцена – алтарём. На алтаре, там, где обычно располагается лик бога или икона, сидел человек. Я не знал его, но по божественному свечению и благообразию черт я понял, что это Станиславский. Он казался совершенно живым и даже с каким-то огоньком в глазах... А вокруг какие-то люди. Боголепные... Все как бы в унижении перед богом, вроде как служат, пресмыкаются. Сначала не различаешь кто... А потом оказывается лица все знакомые. А главный среди них Виталий Адольфович, типа епископ... Какой-то обряд. А потом они меня замечают... И начинают, подзывать. Улыбаются, аплодируют. «Автора! Автора!» Сначала негромко, потом всё сильнее, счастливее... Распаляются. «Автора! Автора!» Я иду к алтарю. К самому богу... А он, Станиславский, так смотрит на меня, вроде с умилением, и кивает, мол ложись... Ложись. Мягко так, благостно... ЛОЖИСЬ... Я ложусь на алтарь. Все идут ко мне. И глаза такие, светятся, ярко-ярко, как у котов!

8.

ЗОЛОТКОВСКАЯ и КЛЕНИН.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Андрей!

КЛЕНИН. (С подозрением смотрит на неё). Как вам пьеса?

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Понравилась.

КЛЕНИН. Ага... Ясно. (Пауза).

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Я что-то не то сказала?

КЛЕНИН. Нет.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Я в чём-то перед вами виновата?

КЛЕНИН. Нет.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Вам нравится у нас в театре?

КЛЕНИН. Я не могу подобрать слов, чтобы описать свои чувства.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Мне кажется, что вы на меня как-то странно смотрите. У меня грим остался? Я рассеянная... Вообще-то я привыкла, что на меня так странно смотрят.

КЛЕНИН. Я могу забрать обратно свой экземпляр пьесы?

ЗОЛОТКОВСКАЯ. А вы мне его не давали.

КЛЕНИН. Нет?

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Чудной вы. В театралке нам всегда казалось, что автор – это какое-то мифическое существо. Ну вроде древнегреческих героев. Знаете, играешь чью-то пьесу, произносишь чей-то текст, чужой текст, а он уже твой. Из тебя рождается... Это такое ощущение эротическое, когда из тебя Чехов рождается.

КЛЕНИН. Так говорите, моя пьеса понравилась?

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Я взяла у Игнатия Вячеславовича, под большим секретом. Выпросила... Просила-просила и выпросила. Сказала, что влюбилась в вас жутко. Сохну, мол, мучаюсь... И очень хочу почитать.

КЛЕНИН. Если бы вы мне это сказали, я бы тоже дал.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. А он добрый... Игнатий Вячеславович... Поверил.

КЛЕНИН. Любой бы поверил. Вы такая хорошая актриса.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Неа.

КЛЕНИН. Не хорошая?

ЗОЛОТКОВСКАЯ. А вы ещё совсем в актрисах не разбираетесь.

КЛЕНИН. Давай на «ты»... (Она кивает, но входит ДЫБАНЬ, и ЗОЛОТКОВСКАЯ убегает).

9.

6

Входит ДЫБАНЬ.

ДЫБАНЬ. Пристаёт?

КЛЕНИН. Кто? А... Нет. Хорошая актриса, да?

ДЫБАНЬ. Чудовищная...

КЛЕНИН. Она? Яна?

ДЫБАНЬ. И приставучая... Эти глаза вытаращит: лып-лып, мило, любопытно – а что по сути? Зачем? Здесь нет хороших актёров, можешь даже не надеяться. Школы нет. Я читал твою пьесу. Ну, такая любопытная вторичная литература.

КЛЕНИН. Это комплемент?

ДЫБАНЬ. Нет, в твоей пьесе есть что-то... Какой-то ход. Но там нет темы. Пьеса, где нет темы – не цепляет. Вот Чехова читаешь – да! Цепляет! Поставить правда никто нормально не может, но цепляет. Потому что есть тема. Эта интеллигенция, эти сёстры... Три. Этот Дорн. Какая невероятная грусть в Дорне. Дорническая грусть...

КЛЕНИН. Да, до Чехова мне ещё...

ДЫБАНЬ. А с этой прошмандовкой ты осторожней. С Янкой... Она же хищница. А что ты думал? Тихая, тихая – а палец в рот не клади. Прицепится, дустом не выгонишь. Это у неё любовь называется. Я тебя предупредил.

КЛЕНИН. Прости, а ты с ней встречаешься? То есть... Потому что, я... У меня к ней.

ДЫБАНЬ. *(Со вздохом)*. Что творится с современной драматургией?... Кошмар. А всё потому, что темы нету. *(Уходит)*.

10.

КЛЕНИН. Театр втягивает медленно. Сначала заходишь туда на десять минут. «Здрасьте» -- «Здрасьте». Потом начинается: «Может, чайку попьём»... Потом и ещё чего-нибудь попьём. И вот уже полдня то в гримёрках, то в буфете, то в арт-фойе... Время в театре течёт по-театральному. Со мхатовскими паузами, выразительными взглядами, хитрыми гримасами, с озорством и выпендрёжем... Причём, самые озорные народные артисты. *(Пауза)*. С Яной мы начали встречаться, пить белое вино, и есть сгущёнку... Постепенно в прошлом растворились былые страхи, даже божественный Станиславский не так скабрёзно улыбался мне во снах. И всё было так хорошо...

Появляется БОНДУРЕВИЧ.

БОНДУРЕВИЧ. Театр – труп. Театр – сгнил. Театр превратился в клоаку, сточную канаву человеческих амбиций. Мальчик, я принесла тебе твою пьесу. Я прочитала её. Я прочитала её трижды. Все тринадцать сцен. Я сосчитала: в ней восемь тысяч сто тридцать девять слов.

КЛЕНИН. Я не знал. Вы Сюзанна Игоревна Бондуревич?

БОНДУРЕВИЧ. Эти крысы уже отравили тебя своим ядом?

КЛЕНИН. Что?

БОНДУРЕВИЧ. Виталий, Галя, Коля Маевский, Игнатий вся эта придворная шушера. У них совсем крыша поехала. Забыли что они здесь делают, зачем... А поэтому и лезут такие гниды как Кострыгин или Корч.

КЛЕНИН. Так пьеса вам понравилась?

БОНДУРЕВИЧ. Милый мой, мальчик мой, я плакала и смеялась. Лицо моё было солоно от слёз. Я плакала, потому что видела, что с тобой станет. Видела... И никто тебя уже не спасёт. Даже я... Ты слышал когда-нибудь о преддверии ада?

КЛЕНИН. Я не очень религиозный человек.

БОНДУРЕВИЧ. А это не религия. Я не говорю о религии. Религия – это то, во что люди верят. А я говорю, о том, что знаю. И ты узнаешь... Станиславский к тебе не приходил? Вижу, приходил. А ты не пугайся, Андрюша. Это ещё не страшно. Страшно будет, когда они придут все... Серафимы: Немирович, Мейерхольд, Вахтангов, Таиров... Все те, кто создал «врата».

КЛЕНИН. Врата...

БОНДУРЕВИЧ. Сначала приходят мертвецы. Потом придут живые, хуже мертвецов.

КЛЕНИН. Врата куда?

БОНДУРЕВИЧ. В каждом явлении есть своя суть. Самое главное. То ради чего... Первородный грех, изначальная причина... У театра тоже есть первородный грех, тот самый, из-за которого всё... Грех, не дающий покоя. Грех, алчущий искупления... Проклятие, которое жаждут снять.

КЛЕНИН. В чём был грех? *(Пауза)*. Я чувствую что-то... Я не могу себе это объяснить, эти сны... Эти люди. Я разговариваю с ними, и у меня такое ощущение иногда, как будто я с кем-то другим разговариваю... через них...

БОНДУРЕВИЧ. Это театр.

КЛЕНИН. С кем я разговариваю?

БОНДУРЕВИЧ. Театр... Они жаждут твоей крови. Пьеса ключ к вратам. Береги её. Всё... *(Исчезает)*.

11.

Начинается первая репетиция.

КЛЕНИН. На первой репетиции я не слышал ни одного слова... Их движения, крики, гримасы, -- всё казалось мне каким-то далёким, словно отзвуки другого мира... Актёры потеряли человеческих очертаний, словно японские фигурки. Мне не давали покоя слова Бондуревич. Моя пьеса – ключ... Ключ к вратам. К вратам куда? Куда? Куда...

БОРИН. ...в ад! Главный герой как бы заглядывает в тьму своей души, ныряет туда! И затем в инфернальной истерике, выворачивая жилы, взмывает в космос, где в холодном свете горящего газа, замерзает навсегда. Андрюша, я правильно рассуждаю по смыслу пьесы?

КЛЕНИН. (Пауза). Да, да, очень интересно...

БОРИН. Затем танцы! Космогонический танец! В лучах... Я вижу эту картину. В лучах! Боря, лучи будут?

ГУБЕРМАН. Будут. (Все участники репетиции начинают экзальтированно танцевать).

ШУВАЛОВА. Это потрясающе! Это фантастически! Автор, ну чего ты стоишь, идите к нам!

БОРИН. Хорошо! Мощнее! Первородный взрыв! Струи газа, хвосты комет! Какая пьеса! Какая потрясающая пьеса! (Танец в лучах). Мёртвая структура!

12.

КЛЕНИН. Я не помню, как я вернулся домой в тот день. И был ли это вообще мой дом. Всю дорогу мне казалось, что за мной кто-то идёт... За мной определённо кто-то шёл... Он прятался в тень, когда я оборачивался. А потом долго стоял за кустами сирени, когда я уже зашёл в подъезд. Дома я долго не мог заснуть... Мне хотелось, чтобы во сне ко мне пришёл Станиславский и повёл меня к вратам, чтобы я открыл их своей пьесой... Мне казалось, что я Алиса из Страны чудес, а он Белый Кролик... И я видел дверь в чудесный сад, с прекрасными цветами... А потом я заснул. Без снов. Впервые в жизни я спал без снов. Абсолютно без снов. Как мертвец.

Сидят КОСТРЫГИН, КОРЧ и КЛЕНИН.

КОСТРЫГИН. Ну как идут репетиции?

КЛЕНИН. Честно говоря, я ничего пока не понимаю. Я всё-таки человек со стороны.

КОСТРЫГИН. А старик как? Борин?

КЛЕНИН. Очень... э-э-э, эмоционально. У него совсем своё видение.

КОСТРЫГИН. Чай пил?

КЛЕНИН. Простите?

КОСТРЫГИН. Во время репетиции чай пил?

КЛЕНИН. Да, без сахара. (КОСТРЫГИН и КОРЧ переглядываются). А вас тоже это интересует?

КОРЧ. Что значит «тоже»? Ещё кто-то спрашивал? (Пауза).

КЛЕНИН. Нет, я не правильно выразился. Я понял, что мне не очень нравится сидеть на репетициях. Мне от этого внутри нехорошо.

КОРЧ. Вот. Андрей Николаевич... Отчество, прямо как у Островского, это хороший знак. Мы с вами люди практичные, здравомыслящие. Я знаю, вас могут смущать какие-то вещи, -- вы новичок в театре.

КЛЕНИН. Я просто...

КОРЧ. Не надо объяснять, можете не объяснять. Мы же люди здравомыслящие. Договор мы с вами подпишем, деньги вы заплатим, а вам как раз участвовать в процессе совсем не обязательно. Вы же экономист, вы понимаете. Это только нервирует. Мы вас пригласим, на премьеру, с цветами, с почестями, место вам д□ □ □ м в ложе. Не приходите в театр пока. Ни к чему. Мы договорились? (КЛЕНИН кивает. КОРЧ уходит).

КЛЕНИН. А мне уже совсем в театр нельзя?

КОСТРЫГИН. Старик, ты круто лопухнулся. Зачем ты дал пьесу Борину? Это же всё!

КЛЕНИН. В смысле?

КОСТРЫГИН. Капут. Он же всё загубит! Считай, что уже загубил! Всё, финиш. Корч это понимает, он вообще хороший мужик. Но вмешиваться не будет. Здесь, старик, черт знает что... С ног на голову! Нужно наводить порядок. Понимаешь?

КЛЕНИН. А я буду мешать?

КОСТРЫГИН. Конечно. Лес рубят – щепки летят. Вот наведём порядок – тогда и милости просим. А пока пьесу пиши, а я её поставлю. Я её так поставлю, как никто не поставит.

13.

КЛЕНИН. В тот вечер, я впервые напился. Прямо в театре, в буфете, я всё откладывал тот момент, когда мне придётся выйти из театра, чтобы надолго в него не возвращаться. Пил водку, запивал соком. Мне было стыдно, что актёры видят меня пьяным, поэтому я от всех отворачивался, закрывал рот кулачком и старался никого не узнавать. Стало поздно...

КОЛЬКА и КЛЕНИН.

КОЛЬКА. Проставляешь?

КЛЕНИН. (Приглашает сесть). Прошу...

КОЛЬКА. (Протягивает руку). Колька.

КЛЕНИН. Антон... брр, Андрей.

КОЛЬКА. Писатель-маратель? Я знаю, я уже давно за тобой наблюдаю.

КЛЕНИН. Поздно, чёрт...

КОЛЬКА. Да, а живёшь ты в заднице: район рабочий, квартал – «не бейте меня больно»... Двор тёмный, подъезд грязный.

КЛЕНИН. Так это был ты? Человек, который следил за мной. Ты?

КОЛЬКА. А чего это ты лыбишься?

КЛЕНИН. А думал, что я уже «того», сбрендил... Знаешь, последнее время как-то...

КОЛЬКА. Не, я – реальный. Но это «того» -- не исключает.

КЛЕНИН. Ты из органов?

КОЛЬКА. Нет. Я монтировщик. Монтировщик. Здесь в театре декорации монтирую. Работа, блин, ненормированная, день, утро, ночь – им похер, собирай, разбирай. Колька – туда, Колька – сюда... Бегаешь, как в зад поцелованный.

КЛЕНИН. Зачем?

КОЛЬКА. Что? Зачем я хвостом заделался? Так бля, защищаю тебя.

КЛЕНИН. Защищаешь?

КОЛЬКА. Ясный перец.

КЛЕНИН. От грабителей?

КОЛЬКА. От грабителей тебя, Шекспир, пусть менты прикрывают. Им за это бабки платят, звания дают. А мне это – по барабану.

КЛЕНИН. От чего тогда меня надо защищать?

КОЛЬКА. Не, я думал ты умнее. Знаешь, когда смотришь пьесу – я иногда на колосники залажу, сижу там, типа дятел, обозреваю... И вот смотришь, Чехова там, или этого Вольтера, думаешь – какой умный автор, а такую муть написал, чтоб ему руку отрубило. (Пауза). Ты с этими, актёрами ну Милованниковым, Шуваловой или, не дай бог, с этой пи-дой старой Бондуревич общался?

КЛЕНИН. Ну...

КОЛЬКА. Не офигел?

КЛЕНИН. Они немного странные.

КОЛЬКА. Вот! А ты их когда видел днём или ночью?

КЛЕНИН. Днём.

КОЛЬКА. Вот! (Пауза).

КЛЕНИН. И что? При чём здесь...

КОЛЬКА. А притом: моли бога, чтобы не встретить их ночью. Ты думаешь, они такие умные, что про Станиславского всё время разводят: как он то говорил, как он это... Не бля, пацан, не просто так. Это не понты. Они видели его...

КЛЕНИН. Кого?

КОЛЬКА. Станиславского. Живьём. Работали у него. Сотрудничали. С самого начала...

КЛЕНИН. Невозможно. Столько не живут.

КОЛЬКА. Люди, да. Я же вижу, как они смотрят на тебя, как обхаживают. Борин, Корч, Кострыгин... Я вижу их глаза, полные жажды. Они только ждут момента, чтобы сделать тебя одним из них. Перед этим отведав твоей крови.

КЛЕНИН. Этого не может быть...

КОЛЬКА. Ага...

КЛЕНИН. Вампиров не бывает.

КОЛЬКА. Кто же спорит...

КЛЕНИН. (Думает. Пауза). Да нет...

КОЛЬКА. Если бы не я, ты бы уже лежал в морге с разодранной глоткой. Холодный и синий, как ножка Буша. Поверь, таких как ты – молодых, розовых, с пушком на щёчках, с большими надеждами – столько прошло на моих глазах. Все приходили, приносили пьески... И где они теперь? Не кони... Тебя я им не отдам... Подавятся!

КЛЕНИН. Может, и так обойдётся?

КОЛЬКА. Ага, Чехов тоже думал сможет уйти, по всей Европе от них дёру давал... Не убежал. Нагнали...

КЛЕНИН. Слушай, что-то мне не по себе. Коля, а они что все... ну того.

КОЛЬКА. Хрен их разберёт – оборотни.

КЛЕНИН. А как ты думаешь, а, скажем, Яна Золотковская тоже... ну...

КОЛЬКА. Парень, ты жить хочешь? Если хочешь, то смотри в оба. Они любят ловить людей на сентиментальность. Вспомни эту блядь Книппер, -- всего лишь приманка. Чехов клюнул... Знаешь, как Станиславского они называют – Создатель. А мы, люди подземелья, его зовём – Сатанинский. Константин Сергеевич Сатанинский... И главное, не пускай их в свои сны. Особенно тех, кто служит тьме...

КЛЕНИН. Ты ведь не монтировщик?

КОЛЬКА. Монтировщик. Я же тебе сразу сказал – монтировщик.

14.

Звонок мобильного телефона.

КЛЕНИН. Алло. Я... Дома... Я узнал тебя, Яна. Нет, в театр не приходил... Не заболел... Хотя, четко говоря, я плохо себя чувствую. Очень плохо. У меня голова болит, и нервы совсем... Да, разладилось что-то... Не надо меня проведывать... Ты прости, я сейчас не могу разговаривать. Я тебе позвоню, потом. Пока... (Отключает телефон. Пауза). С того дня я старался не выходить на улицу. Пробовал писать, но меня начал жутко раздражать звук ручки о бумагу. Я стал волноваться из-за шорохов. Что-то ночью шуршит, а у меня аж сердце останавливается... А потом я понимаю, что это моя нога дрожит и тихо-тихо об одеяло трётся. Сначала ко мне приходил Коля, рассказывал новости, мы пили вместе... А потом он вдруг исчез. (Пауза). Я сразу понял, что произошло... Я знал, они придут за мной. Это лишь вопрос времени... Я забаррикадировал двери... Достал топор. Я пытался выкинуть из головы этот чёртов театр... Забыть его! Стереть из памяти! Но каждую ночь мои мысли, словно заколдованные возвращались к нему... (Пауза). Мне казалось, я физически чувствую, что с происходит с моей пьесой там... Как ей страшно, одиноко, больно, как её раздевают и насилуют... И всё это стоит у меня перед глазами. (Пауза). Станиславский был

недоволен. Каждую ночь он все громче и страшнее требовал меня! Он хотел меня! Он кричал! Он ждал меня! И на секунду я увидел врата!

15.

КЛЕНИН. После той ночи я не выдержал. Я пришёл в театр.

КЛЕНИН приходит к БОРИНУ.

КЛЕНИН. Здравствуйте (Пауза), вы вампир?

БОРИН. (Пауза. Орёт.). Ира, чаю! (Вбегает ЕЛЕНСКАЯ с чаем).

КЛЕНИН. Без сахара? Хм, я так и знал...

БОРИН. О чём мы, простите?

КЛЕНИН. Зачем вы убили Колю? Он пытался помешать вам, а вы его... Он всего лишь хотел защитить меня...

БОРИН. Я забыл спросить, вы, может, тоже чай будете? Ира! (Вбегает ЕЛЕНСКАЯ). Ещё один чай... Да, да, простите, я вас перебил. Что вы говорили?

КЛЕНИН. Так вы один из них?

БОРИН. Константин Сергеевич Станиславский очень любил орехи. Вы знаете, он не кичился этим, просто бывало купит фундука мешок, ест, ест... Очень, говорил, для памяти это хорошо. А в искусстве память – ой, какая важная вещь...

КЛЕНИН. Вы это помните?

БОРИН. Орехи ем регулярно. И фундук, и фисташки, и лесные и даже кедровые...

КЛЕНИН. Вы не хотите отвечать?

БОРИН. Про Колю? Уволили мы Колю. Пил много, бич это для монтировщиков. До белой горячки, напиваются...

КЛЕНИН. А со мной что решили сделать?

БОРИН. Репетируем. Тяжело идёт... А тут и ты ещё пропал. Мы тебя ищем, ищем, а ты пропал, на звонки не отвечаешь... (Вдруг доверительно). Андрюша, тут серьёзные вещи творятся. Я давно хотел тебе рассказать... (Вдруг входит ЕЛЕНСКАЯ, КЛЕНИНУ враждебно).

ЕЛЕНСКАЯ. Чай... Без сахара. (Пауза).

БОРИН. Спасибо, Ира. (Пауза). Спасибо, Ира.

КЛЕНИН. Очень вкусно... (Смотрит на ЕЛЕНСКУЮ, та стоит).

БОРИН. (Вздыхая). Видимо, наш разговор окончен. Андрей, я очень надеюсь, что успею закончить твой спектакль...

ЕЛЕНСКАЯ. Виталий Адольфович.

БОРИН. (Покорно смотрит на неё). Да, да... Прощай, Андрюша.

16.

КЛЕНИН. Он не успел... Через три дня Виталий Адольфович Борин умер.

На сцене стоит гроб, вокруг него траурная процессия, в которой КОРЧ, ШУВАЛОВА, МИЛОВАННИКОВ, МАЕВСКИЙ и ГУБЕРМАН, работники театра.

КЛЕНИН. Гроб с его телом поставили прямо на сцену, и коллектив театра и зрители ходили вокруг него, словно в каком-то хороводе, кланялись, вздыхали и охали... Я почему-то просидел там долго, очень долго...

КОРЧ. Это был великий художественный руководитель. Один из последних великанов, столпов, гигантов...

ШУВАЛОВА. Добились своего, свели в могилу...

МАЕВСКИЙ. Создатель призвал его к себе.

МИЛОВАННИКОВ. Всё, конец либерализма. Виталик, они дождались...

ЕЛЕНСКАЯ. В последнее время, он ничего не ел. Только пил, пил, чай без сахара.

КЛЕНИН. (Тихо). Простите, Борис Фокиевич, почему все про этот чай всё время говорят?

ГУБЕРМАН. Так ведь это... Чай же без сахара был.

КЛЕНИН. И что?

ГУБЕРМАН. Болел Виталя в последнее время... Недужил, сахару в крови много было. Перебор. Он же сладострастник с детства, на мёд, на сладости, халву там... Коробку конфет, бывало, откроет и каждую надкусит – что, мол, внутри? Все ругаются – опять Борин нагадил. А он ведь просто это, попробовать хотел... Вот и дало в кровь.

КЛЕНИН. (ЗОЛОТКОВСКОЙ). Плачешь?

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Он добрый был. Прямо как дедушка мой. В театр меня пригласил и смешил...

МАЕВСКИЙ. Только бы грех этот тяжкий ему простился. А то «таких» на кладбище хоронить не положено...

ШУВАЛОВА. Коля, ну хватит...

КОРЧ. Мы его никогда не забудем.

КОСТРЫГИН. Да, Виталий Адольфович, многому вы меня научили. Клянусь, я не уроню ваше знамя.

МИЛОВАННИКОВ. Пионер хренов...

КОСТРЫГИН. Что?!

МАЕВСКИЙ. Не здесь! Не здесь! Он же услышать может...

ШУВАЛОВА. А выглядит совсем как живой. Даже лучше чем живой, как улыбнётся сейчас, и скажет... «А вот раньше в театре – играли, так уж играли. На первых рядах – уши закладывало»...

КОРЧ. Смерть всегда забирает актив. Человеческий материал смертен, но искусство вечно.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. (КЛЕНИНУ). Я тебя люблю.

КЛЕНИН. Яна...

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Очень, очень... Просто я тебя звонила, звонила, а ты трубку не берёшь. И в театр не приходишь. «Помотросил» и бросил, да?

КЛЕНИН. А потом всё на кладбище пойдут?

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Я не люблю, когда закапывают...

КОРЧ. Тут ещё пришёл некролог. Правильно я называю – когда человек умирает, что пишут? Ну правильно, некролог... От Министерства Культуры. Я всё зачитывать не буду. Тут сначала биография Виталия Адольфовича, ну мы все в курсе... Родился, учился, Госпремию получил в размере таком-то (тогда это были большие деньги), состоял и так далее. Вот это интересно...

ЕЛЕНСКАЯ. Тише, это интересно!

КОРЧ. Так... «Виталий Адольфович Борин высоко нёс знамя национальной культуры». Это правда. Нёс. «Олицетворял собой благородство и высокий идеал художника». Почему художника?

ЕЛЕНСКАЯ. Это фигурально. Вообще...

КОРЧ. А... фигурально. Друзья, художник – это фигурально. Я продолжаю. «Министерство выражает обеспокоенность...» Понимаете? «Обеспокоенность в связи с фактом», ну, это ясно, с каким фактом. Ну и дальше, по тексту. То есть близко к сердцу приняли и обеспокоены. Между прочим, министр подписал. Вот, такие пироги...

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Андрей...

КЛЕНИН. Слушай, сейчас как-то неловко.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. А потом ты исчезнешь. Я с ума схожу.

КЛЕНИН. Я тоже с ума схожу.

КОСТРЫГИН. Ну, похоже, простились...

ШУВАЛОВА. (*Вдрузь*). Он шевельнулся! Вы видели! Он шевельнулся! (*Бросается на БОРИНА, залезает на гроб*). Виталий! Виталий! Это я! Я! Галя, твоя Галя! Ты помнишь меня! Я знала, что это лишь inferнальная мистификация великого жреца! Ну улыбнись! Улыбнись, той львиной улыбкой, которая превращала меня в кошечку!

ГУБЕРМАН. Галя!

МАЕВСКИЙ. Галенька, тебе померещилось.

ШУВАЛОВА. Гарик, ты видел, он пошевелился! Коля, Игнатий! Виталик жив!

КОРЧ. Не надо дезинформации! У нас есть документ о вскрытии...

МИЛОВАННИКОВ. Галя, слезай!

КОСТРЫГИН. Что за дешёвый балаган?

МАЕВСКИЙ. Галенька, слезь с него, ты же ему давишь.

МИЛОВАННИКОВ. Слезай.

ШУВАЛОВА. Не слезу! Не слезу! Хороните нас вместе! Живых! Мы сыграем наш спектакль и в могиле!

КОСТРЫГИН. Ещё один дешёвый фарс!

ШУВАЛОВА. Зато наш дешёвый фарс талантливее ваших дорогих трагедий! Бездарь, ублюдок, ничтожество, дикарь, провинциал!

КОСТРЫГИН. Ну знаете...

ШУВАЛОВА. Да ты свинья, ты родился в хлеву!

ГУБЕРМАН. Ну хватит. Умер. Виталя, умер. У-мер.

ШУВАЛОВА. Умер...

ГУБЕРМАН. Умер.

ШУВАЛОВА. Он не может. Невозможно. Ты же знаешь...

ГУБЕРМАН. Оказалось, возможно.

ШУВАЛОВА. А можно я здесь немного полежу?

ГУБЕРМАН. Нет.

МИЛОВАННИКОВ. Пойдём?

ШУВАЛОВА. Напьемся?

МИЛОВАННИКОВ. Обязательно. Поминки всё-таки. (*Входит ДЫБАНЬ*).

ШУВАЛОВА. (*ДЫБАНЮ*). А вы, Артурчик, опять опоздали? Проспали? Ничего, ничего... Здесь, у нас прощание. Вы же знаете, Виталий Адольфович, говорят, умер. Слухи такие. Непроверенные... Вот... Такое горе.

ДЫБАНЬ. Да, у него всегда была своя тема.

КЛЕНИН. (*ЗОЛОТКОВСКОЙ*). Я тебя люблю.

КОРЧ. Ну, дело ясное. Будем думать, как жить дальше. Завтра сбор труппы. Всем быть обязательно!

17.

КЛЕНИН. Что-то не складывалось. У меня в голове, что-то не складывалось. Как в детстве, когда несколько конструкторов, а ты уже какие-то части растерял, и вообще всё вместе смешал и в одну коробку положил... И ты берёшь эту коробку... Тик-так, тик-так... Берёшь коробку и начинаешь составлять, а ничего не составляется. Не складывается... Вот и у меня. Если они вампиры, то почему Борин умер... Вампиры же бессмертны... А если Шувалова права, и он не умер. И тогда Яна тоже... И Колю они убили. Пропал ведь Коля... И всё это ловушка. Такой спектакль для меня. Ведь я им нужен. Они все никуда без меня... Им без меня врата не открыть...

В тот вечер я остался в театре, тайком. Я помню, в каком-то фильме носферату ночью вставал из гроба, оживал, чтобы найти очередную жертву. В полночь я спустился в зал...

На сцене у гроба какая-то тень. Это БОНДУРЕВИЧ.

БОНДУРЕВИЧ. Проходи. Я знала, что это ты.

КЛЕНИН. Он мёртв?

БОНДУРЕВИЧ. Что такое смерть... Ты слышал про нити?

КЛЕНИН. Про какие нити?

БОНДУРЕВИЧ. Всё в этом мире связано: наши чувства, эмоции, мысли, люди, вещи. Всё связано какими-нибудь нитями. Иногда они сплетаются в канаты, иногда в паутину, которая опутывает тебя. Смерть – это когда надрывается последняя нить...

КЛЕНИН. У него надорвалась?

БОНДУРЕВИЧ. Подойди к нему, не бойся. Ты же не боялся жать его руку в театре... Потрогай его лицо. Ты чувствуешь?

КЛЕНИН. Что?

БОНДУРЕВИЧ. Оно перестало быть маской. Смерть сняла её. Содрала... Создатель научил нас менять маски нашего лица. Научил нас смеяться и плакать по команде, быть добрыми и злыми в нужный час... Изображать шутов или философов по воле режиссёра... Научил менять очертания маски тысячами разными способами... А вот попробуй изменить её теперь. Попробуй растянуть его лицо в улыбку или придать ему скорбь... Попробуй зажечь в его глазах маслянистый, томный блеск... Выдавить из них слезу... Не выйдет.

КЛЕНИН. У него очень благородное лицо. В нем много доброты.

БОНДУРЕВИЧ. Да...

КЛЕНИН. Почему вас все боятся?

БОНДУРЕВИЧ. Кровососы! Клобы! Раздавила бы их, размазала! *(Вдруг спотыкается, падает)*. Ай... Понаставили тут, бляди... Ай, ай... Болит, мочи нет. Ай... Видать, пальцы вывернула. *(Пауза)*. Я самый старый человек в этом театре. Последняя из Совета.

КЛЕНИН. Совета?

БОНДУРЕВИЧ. Когда Создатель понял, что время уходить пришло, и маска вот-то спадёт с его лица, он создал Совет – круг людей, которые должны были хранить его заветы, его учение...

КЛЕНИН. Апостолы...

БОНДУРЕВИЧ. Сначала нас было много, мы были сильны, и его дух делал нас всемогущими. Театр нёс его славу, храня великую тайну живого искусства. Мы пригласили Борина. Он был орудием в наших руках... Потом нас стало становиться всё меньше... Великие по очереди снимали маски... Наша сила иссякала, и Борин перестал слушать нас. Его совратили с пути, искусили... Живое искусство покинуло этот театр. А потом я осталась одна...

КЛЕНИН. Все думают, что вы выжили из ума.

БОНДУРЕВИЧ. О да. Я знаю. В молодости я играла Джульетту! Я играла таинственных и прекрасных девушек, свежих, словно весенний ручей! Я была сама Весна! *(Она отходит в тень, появляется ЗОЛОТКОВСКАЯ в одежде БОНДУРЕВИЧ)*.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Андрей...

КЛЕНИН. Яна... А ты всё слышала? Что ты здесь делаешь так поздно? У гроба?

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Андрей, я просто хотела тебе сказать, а всё случая не было... То – то, то – это... Знаешь, как бывает. Я просто хотела тебе сказать, что я не люблю пышные свадьбы. Ну, когда шумно, родственников много, фата такая расфуфыренная, и всё смеются, как дураки, шампанское пьют... И машин много с шариками, гудят... У-у-у-у! Я так не хочу.

КЛЕНИН. Яна...

ЗОЛОТКОВСКАЯ. И сама не знаю почему. Всем нравится... А тебе?

КЛЕНИН. Яна...

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Может, я пугливая? Да?

КЛЕНИН. О чём ты вообще говоришь?

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Я пугливая, конечно. Сама своей тени боюсь. А когда людей много и все кричат – это так страшно. И платье у меня будет чёрное...

КЛЕНИН. Яна, почему ты так одета?

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Тебе не нравится?

КЛЕНИН. Ты одета как она...

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Кто она?

КЛЕНИН. Сюзанна Игоревна... Сюзанна Игоревна, где вы? Я знаю, что вы где-то здесь! Хватит этих глупых игр!

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Нет здесь никого больше... Виталий Адольфович да мы...

КЛЕНИН. Маска... тайна маски... совет... ворота... Яна, а это правда, что весь мир – это только наша фантазия? Пьеса!

ЗОЛОТКОВСКАЯ. *(Соглашается)*. Пьеса...

КЛЕНИН. Сюзанна Игоревна! Сюзанна Игоревна! *(ЗОЛОТКОВСКОЙ)*. Кто ты? *(Злобно)*. Кто ты?!

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Ты меня не узнаешь? Это игра? Я буду тем, чем ты захочешь...

КЛЕНИН. Конечно же, он не умер. Так не умирают... Ты не веришь? А вот смотри, он двигается, кивает, махает руками, если постараться он даже может улыбнуться. Какая же это смерть? (*ЗОЛОТКОВСКАЯ уходит в тень, появляются ШУВАЛОВА, МАЕВСКИЙ и МИЛОВАННИКОВ – все в одежде БОНДУРЕВИЧ*).

МИЛОВАННИКОВ. Как некрасиво потешаться над телом. Оно же старше вас.

КЛЕНИН. А... Пришли. Тоже не спится?

ШУВАЛОВА. Андрюшенька, вы запутались совсем... Ай, яй, яй... А ещё такое потрясение.

МАЕВСКИЙ. Вы в церковь сходите. Батюшка поможет, душу очистит. После театра очищаться надо.

Мерзость выскребать...

КЛЕНИН. Надо...

МАЕВСКИЙ. Ну вот, и молитвочку почитайте... Молитвочка простая. «Господи! Иже еси на небеси... Да придет царствие твое, да придёт воля твоя...»

ШУВАЛОВА. Создатель молитвы любит.

КЛЕНИН. Создатель...

МАЕВСКИЙ. Он самый.

КЛЕНИН. Создатель.

МИЛОВАННИКОВ. Благодетель наш. Все по его плану живём.

КЛЕНИН. Создатель... (*Пауза*). А я всё понял. Знаете, как бывает... Тьма, тьма, кажется ни конца ей, ни края... А чиркнеш спичкой, вот тебе и стеночки. И комнатка маленькая, при свете маленькая. И дверца вот она. Руку только протянуть. Ворота...

МИЛОВАННИКОВ. Ну вот и ладненько. А мы всё гадаем, что это автор у нас такой недогадливый. Ведь правда, только руку протянуть. (*ШУВАЛОВА, МАЕВСКИЙ и МИЛОВАННИКОВ исчезают в тени. Появляется КОЛЬКА в одежде БОНДУРЕВИЧ*).

КОЛЬКА. А я, ты знаешь, теперь совсем в другом месте... Уезжаю я, улетаю... Вот пришёл попрощаться.

КЛЕНИН. Коль, а ты меня не уберёг ведь...

КОЛЬКА. Старик, да как, блин, уберёжешь? Реально, не уберёжешь. Театр, блядь! Но мы ещё увидим небо в алмазах... (*Исчезает. Появляется БОНДУРЕВИЧ*).

КЛЕНИН. Я готов. (*Пауза*).

БОНДУРЕВИЧ. Пришла пора снять маску, Андрей...

КЛЕНИН. Кому? (*Пауза*). Мне? Уже?

БОНДУРЕВИЧ. Ключ – в замке. Обряд завершён. Слышишь? Врата открываются. Этому миру приходит конец. Армагеддон – время всем снять маски.

КЛЕНИН. Наконец-то...

БОНДУРЕВИЧ. Ад – начинается с театра. Здесь и врата его. «И станет лож – правдой, а маска – лицом. И обернётся вертеп кривляния – храмом. И вывернется церковь наизнанку, и станет алтарь её – сценою, служители её – шутами, а тексты – пьесами. И по приказу польются слёзы и исторгнется смех. И наступит власть лжи над сердцем. И перестанет оно чувствовать жизнь истинную...» И тогда откроются кулисы ада... И восстанут великие... И не будет иных богов, кроме Создателя...

КЛЕНИН. Умирать не хочется.

БОНДУРЕВИЧ. Не хочется?

КЛЕНИН. Нет.

БОНДУРЕВИЧ. (*Пауза*). Тогда открой глаза и... проснись. (*Вдруг истошно, безумно, нечеловечески орёт*).

Затемнение.

Антракт.

АКТ II.

18.

КЛЕНИН и КОРЧ. КЛЕНИН машинально подписывает бумаги.

КОРЧ. Ну вот и славно. (*Забирает бумагу*). Камень с плеч. Только странный вы человек, Андрей Николаевич, -- отчество у вас замечательное, прямо как у Островского. Бумажки подписываете, а читать – не читаете. Контракты читать надо. Кровью ли подписываешь, чернилами, шариковой ручкой – оно ведь всё одно. Подписал – придётся исполнять. А мало ли какую мерзость подсунуть могут. Бумага – она терпеливая, всё вынесет. А человек – нет. Внимательно надо читать на что право имеешь, какие обязанности налагаются, какая ответственность, если что... Ну и, конечно, про деньги. С деньгами, у нас как в лаборатории, всё точно, как договаривались. Я называю это – цивилизация! Ну, поздравляю с зачином.

КЛЕНИН. Спасибо...

КОРЧ. Теперь попрёт... Я вам завидую... Богатым человеком станете.

КЛЕНИН. Вы думаете?

КОРЧ. Я знаю. (*Вдруг орёт*). Ира! Ну, что, надо это освятить? А мы без батюшки, мы своими силами... (*Вбегают ЕЛЕНСКАЯ*). Вы что будете?

КЛЕНИН. Чай... (*Пауза. ЕЛЕНСКАЯ мрачнееет и уходит*).

КОРЧ. Это было очень грубо. Ой как это было грубо... Андрей Николаевич, а вы оказывается очень жестокий человек. Нет, бог вам судья... Я не в порядке обвинения, но, может быть, не стоило так...

КЛЕНИН. Я всего лишь попросил чашку чая...

КОРЧ. Чая!? А ноги раздвинуть не хотели попросить?

КЛЕНИН. Не вижу связи...

КОРЧ. Это театр... Здесь слова «чай» и «смерть» слишком близки по смыслу. Вот... (*Даёт КЛЕНИНУ газету*).

КЛЕНИН. Что это?

КОРЧ. Профессор один написал... Э... Статья о страшном вреде чая. Ужасные вещи, чудовищные. Я предупредил, я опасался, я давал ему читать. Но... Мы иногда совершенно не способны слушать голос разума. Берите, берите, это вам. Вот увидите, лет через сорок-пятьдесят, на каждой упаковке чая будут писать огромными буквами то, что сейчас пишут на табаке. Только для нашего, да и для вашего поколения, уже поздно...

КЛЕНИН. Скажите, так что происходит с моей пьесой?

КОРЧ. Ну, начнём с того, что ничего страшного не происходит.

КЛЕНИН. И?

КОРЧ. Мы очень любили Виталия Адольфовича. Это был жуткий удар для театра. Министр очень расстроился... Ну, успокоили, осознали, приняли... Все мы смертные, в общих чертах...

КЛЕНИН. И?

КОРЧ. И вашей пьесой занимается Кострыгин Сергей Сергеевич. Серьёзный профессионал. Гарантированная касса. Ну... и режиссёр любопытный...

КЛЕНИН. А почему меня не спросили?

КОРЧ. Вы, статейку, всё-таки прочитайте. Вы плохо выглядите. Что-то мешки какие-то, похудели, кожа подсохла, губки потрескались... Вы помадку купите, гигиеническую. Многие брезгают, а я нет. Смотрите. (*Проводит помадой по своим губам*). И всё... А то же это... скоро авторучка будет из рук вываливаться. От слабости...

КЛЕНИН. Я болел. Я вообще такие... вещи плохо переношу.

КОРЧ. Слышал, вы с одной актрисой из нашего театра ну нашли общий так, сказать, язык.

КЛЕНИН. Слышали?

КОРЧ. Ну, театр – он, в общем, семейное предприятие. Ходят слухи... Нет, это ваше личное дело, Андрей Николаевич, но Янку я рекомендую.

КЛЕНИН. Это как?

КОРЧ. Она ж нам всем как... дочь. Хорошая девчонка. Задорная, с чувством юмора, с изюминкой... Чуть-чуть мозгов, цены бы не было. А может, так оно и к лучшему. И вы театр узнаете изнутри. (*Смеётся*). Изнутри... Хорошо сказал. Ну, это мужской разговор.

КЛЕНИН. Я пойду, а то у меня странное ощущение, что это никогда не кончится.

КОРЧ. А посашок! Коньяк – это святое. Армянский, семилетний... (*Наливает*). Люди приходят, спасибо им, люди уходят – театр живёт. Мы идём вперёд, развиваемся, перестраиваемся, ремонтируемся... Пройдёт совсем немного времени и это место будет не узнать! Новое дыхание! Новая жизнь! Новый театр! Ура! (*Пьют*). Хорошо, что напомнили... (*Звонит по телефону*). Вахта, директор, да. Он самый... Что там сегодня у вас, спокойно? Хорошо. У меня просьба, возьми ключи и сходи в литчасть. Там в кабинете ты увидишь пьяную Еленскую. Она будет выть и голосить. Возможно, драться. Запри её. Просто запри. Ну и что, что ночь. И хорошо, что ночь... Не знаю, это что-то личное. Не вышибет, там старые двери. Угу... (*Кладёт трубку. Смотрит на КЛЕНИНА*). Ну, как говорится, всех благ...

19.

ЗОЛОТКОВСКАЯ и КЛЕНИН.

КЛЕНИН. Яна!

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Андрюшенька, ты вернулся. А мы все за тебя так боялись. Я звоню, звоню...

КЛЕНИН. Телефон отключили, пока болел.

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Отключили...

КЛЕНИН. А я деньги получил. За пьесу. Так долго ждал и получил... Хочешь, я тебя до дома провожу?

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Так ты же ничего не знаешь, Андрюшенька? Здесь теперь мой дом, а театре.

КЛЕНИН. В театре?

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Мы теперь здесь все живём, как завещал Создатель. Театр-дом, и всё такое. Мы теперь другие... Ах, что же это я стою, на репетицию пора. Я ведь твою пьесу репетирую.

КЛЕНИН. Какую роль?

ЗОЛОТКОВСКАЯ. А я не роль, я прачка...

КЛЕНИН. В смысле?

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Зритель приходит, бельё оставляет – я стираю. Мы, молодые, все, кто стирает, кто гладит... Обслуживаем. Слушай, я ведь беременная. Только ты в голову ничего не бери, жениться совсем не обязательно. Он у нас как сын театра будет, общенький... И с детства в системе. Мне теперь жениться совсем нельзя. Как же это жениться, когда театром занимаешься? Отвлекаться никак нельзя! Всё время ей...

КЛЕНИН. Кому?

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Системе. Только так... Мы ведь раньше совсем несерьёзные были, оттого не получалось ничего. Теперь мы – крепость, твердыня искусства. И всё, всё ради неё. Вся жизнь ради неё!

КЛЕНИН. А мир, а люди? А семья...

ЗОЛОТКОВСКАЯ. Они другие. Они нас не поймут... Ой, я же совсем опаздываю, ругаться будут... Ты приходи обязательно. (*Целует в щёку*).

КЛЕНИН. Яна... (*ЗОЛОТКОВСКАЯ исчезает*).

20.

Выходят ГУБЕРМАН и КОСТРЫГИН.

ГУБЕРМАН. Станки уже завезли. У нас сцена не очень глубокая, ты же знаешь, встанет только три ряда...

КОСТРЫГИН. Хорошо...

ГУБЕРМАН. Только, это... Те, что столярные – те ничего. А шлифовальные – громкие. Во время спектакля, я бы не...

КОСТРЫГИН. Ничего, пусть актёры учатся. Пусть дают посыл.

ГУБЕРМАН. Я посмотрел расписание... Всё-таки три трудовых смены... Ты, Сергей Сергеевич, прости, конечно, но я бы «народных» в третью смену не ставил. Не по-людски это как-то...

КОСТРЫГИН. Корч сказал все работать должны!

ГУБЕРМАН. Но в третью...

КОСТРЫГИН. Все должны работать! И прикрепите «народных» за подсобками. Что у нас есть там?

ГУБЕРМАН. Три коровы, овец десять...

КОСТРЫГИН. Так покупали же ещё четыре.

ГУБЕРМАН. А, ну да. Так это, тогда четырнадцать. И тридцать четыре бройлерных курицы.

КОСТРЫГИН. «Народных» – за коровами... «Заслуженных» за овцами. Остальных закрепите за курами. Всё – решено! (*Замечает КЛЕНИНА*). А, Андрей, ты здесь, а у нас работа кипит...

КЛЕНИН. Какая работа? Зачем?

КОСТРЫГИН. Всё! Хватит этого попрошайничества. Первый в мире монастырь искусства! Полное самообеспечение... Сначала первый, потом второй, третий... Ты представляешь, старик? И насрать на всех! Дисциплина, порядок, искусство... Ты знаешь, что мы через неделю выпускаем твою пьесу?

КЛЕНИН. Как через неделю?

КОСТРЫГИН. Чего тянуть? Приходи. Если надо что постирать или починить чего-нибудь, неси. У нас теперь – актёры, подготовленные. Настоящие. Что ни говоришь – всё делают. Полы моют, коров доят, красят, шлифуют... Все! Тебе, старик, как автору, бесплатно. (*КОСТРЫГИН, ГУБЕРМАН и ЕЛЕНСКАЯ уходят*).

21.

КЛЕНИН. Говорят, человек сам себя не может адекватно оценить. Где кончается здоровье и начинается болезнь... Вот человеку вроде кажется, что он красивый, а для всех он урод. Или что он идёт куда-то, а это сон. Раз и проснулся... И так далее...

Появляется ДЫБАНЬ.

ДЫБАНЬ. Сам с собой разговариваешь? Правильно, правильно, с интересным человеком и поговорить приятно.

КЛЕНИН. Приятного пока мало.

ДЫБАНЬ. Это как смотреть... Чёрт, провонялся весь.

КЛЕНИН. Ты откуда?

ДЫБАНЬ. С пастбища...

КЛЕНИН. Откуда?

ДЫБАНЬ. С пастбища. Нет, три коровы, пару артистов и в пять утра на выпас... Поспишь, порепетируешь... Великолепно, свежий воздух, парное молоко. И главное в этом есть тема!

КЛЕНИН. Тема...

ДЫБАНЬ. Тема – это главное. Вот напиши мне три страницы, не надо больше, три страницы о пастухах... Об этой романтике, о первых лучах солнца, об этой тёплой дымке, стелящейся по земле... О природе, на фоне которой вся наша интеллигентское копошение – просто бред. Вот, где настоящий театр... Вот, где артисты раскрываются... Три страницы – и я поставлю. (*Уходит*).

21.

Входят ШУВАЛОВА и МИЛОВАННИКОВ.

ШУВАЛОВА. Автор наш, дорогой вы наш! Дайте, я вас расцелую, какой вы у нас всё-таки молоденький... Надо капеллану сказать, что у нас автор выздоровел...

КЛЕНИН. Капеллан это кто?

МИЛОВАННИКОВ. Маевский, артист наш, помнишь?

ШУВАЛОВА. У нас теперь всё освящённое, и станки, и жилища... И мы теперь, как одна семья во Христе...

Появляются МАЕВСКИЙ и ЕЛЕНСКАЯ. МАЕВСКИЙ в обрядовой одежде окропляет её.

ЕЛЕНСКАЯ. Прости Создатель, грешна! Только не чаем... Нет!

МАЕВСКИЙ. (*Окропляет её*). Именно чаем... И пусть этот крепчайший, кипящий чай без единой крупинки сахара выжжет зло...

ЕЛЕНСКАЯ. Прости, прости... Господи...

МАЕВСКИЙ. Смочет мерзость!

ЕЛЕНСКАЯ. Никогда...

МАЕВСКИЙ. Очистит душу! (*Достаёт плетль, начинает её лупить*). Кайся! Кайся, дочь моя! Ты привела беса в театр! Ты поддавалась искушению... Но я научу тебя... Я сделаю из тебя добрую театралку... (*Уходят в тень*).

МИЛОВАННИКОВ. Бондуревич умерла...

ШУВАЛОВА. И слава богу...

МИЛОВАННИКОВ. Перестань...

ШУВАЛОВА. Она предала идеалы Создателя... А мы теперь всё поняли, всё вернули, даже больше. Теперь – это настоящий театр! Автор, переезжайте к нам. Seriously, автор... Будем жить дружно... У нас ещё свободная койка есть, правда верхняя, но вы же такой молодой... Работать будем вместе, я попрошу чтобы нас в одну смену ставили, весело будет...

КЛЕНИН. Нет.

ШУВАЛОВА. Автор, не оставляйте нас... Не оставляйте нас, пожалуйста...

КЛЕНИН. Боже...

ШУВАЛОВА. Пожалуйста, не оставляйте... Мы теперь сами хлеб печём, вкусный, горячий... И казённую обувь дадим. И на спортекяду поедем, по лыжам... Не оставляйте нас... Автор...

КЛЕНИН. Я всё понял. Врата открылись. Я в аду.

МИЛОВАННИКОВ. Бинго!

22.

Премьера пьесы КЛЕНИНА! Слов не слышно, все выходят, играют, танцуют, поют, работают на станках, стирают, молятся и спортом занимаются и многое, многое другое! И затем все начинают кричать...

ВСЕ. Автора! Автора! Автора!

Выходят СТАНИСЛАВСКИЙ, БОРИН, БОНДУРЕВИЧ и КОЛЬКА.

КОЛЬКА. Поздравляю, брат.

БОРИН. Я говорил, мы из него сделаем драматурга.

БОНДУРЕВИЧ. Ты молодец.

СТАНИСЛАВСКИЙ. Шампанского? С премьерой. Что надо сказать?

КЛЕНИН. (Пауза). Ich sterbe!

Конец.

18 ноября 2004